

В настоящее время к интерактивным образовательным технологиям относят игровые, дискуссионные, тренинговые, рейтинговые и рефлексивные технологии.

Комфортность пребывания студента в другой стране и (как следствие) эффективность его обучения и снижение конфликтных ситуаций прямо пропорционально зависят от сформированности межкультурной компетенции.

Следовательно, межкультурная компетенция представляет собой способность понимать, уважать и продуктивно использовать культурные условия и факторы, влияющие на восприятие, оценку, чувства и поступки субъектов межкультурного взаимодействия, позволяющую им приспосабливаться друг к другу, быть толерантными и развивать эффективные способы сотрудничества. Межкультурная компетенция описывает способность организовывать процесс межкультурного взаимодействия таким образом, чтобы совместный поиск продуктивного решения проблем происходил в обстановке взаимного уважения и согласия, исключаящего любого рода непонимание.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1998.
2. Куликов, И. С. Обучающий словарь лингвистических терминов : учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – СПб. ; М. : Наука, 2004.
3. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1991.

Р. Р. Грдзелян
(г. Ереван, Армения)

МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИКИ КАК ОСНОВА ГУМАНИТАРНОГО (ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ

Лев Толстой утверждал, что «мир, наверное, не такой, каким мы его познаем: будут другие орудия познания и будет другой мир» [Толстой, 1928–1958, с. 131]. Одной из основных областей, которыми занимается эпистемология, является изучение вопросов, связанных с *теорией метода*. Еще Р. Декартом было отмечено: «Уж лучше совсем не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, чем делать это без всякого метода» [Декарт – эл. ресурс]. А. Чехов в письме к А. Плещееву тоже писал о важности метода: «Важно не то, что у него есть определенные взгляды, убеждения, мировоззрение – всё это в данную минуту есть у каждого человека, – но важно, что он обладает методом;

для аналитика, будь он ученый или критик, метод составляет половину таланта» [Чехов, 1974–1983].

В современной философии вопросами эпистемологии занимаются с двух различных точек зрения. Одно направление уделяет большее внимание изучению иррациональных способов познания, в частности интуиции и пониманию, а также поиску критериев научности. Другое направление занимается рассмотрением абстрактной структуры знаний, а также социальных предпосылок их создания и функционирования.

Остановимся лишь на одной из указанных проблем – на проблеме *интуиции* (и одном из её проявлений – *языковом чутье*). С интуицией связана определённая методологическая сложность, с которой часто сталкивается лингвист. С одной стороны, именно тонкое проникновение в суть значений и смыслов, особое «предчувствование» того, «где нужно искать» и от чего отталкиваться в этих поисках, – необходимое условие в данном случае создания последующей объективной базы доказательств. С другой же стороны, подобный анализ несёт в себе определённую долю субъективности, что может сделать его уязвимым. Подобная проблема трудно устранима и требует определенных пояснений.

В латинском языке, из которого заимствовано в европейских языках слово «интуиция», лексема *intuere* имела значение 'глядеть', а позднелатинская лексема *intuicio* обозначала 'созерцание', что во многом отражает суть явления, именуемого «интуицией». В. С. Соловьёв, разъясняя роль интуиции в философском познании, отмечал, что она противопоставляется рефлексии и представляет собой «непосредственное усмотрение чего-либо в качестве истинного, целесообразного, нравственно доброго или прекрасного» [Мир философии, 1991, с. 561]. В современном русском языке слово «интуиция» понимается как 1) чутьё, тонкое понимание, проникновение в самую суть чего-нибудь; 2) непосредственное, без обоснования доказательствами постижение истины [Ожегов, 1990, с. 252].

Известный французский лингвист, основоположник психосистематики и теории лингвистического ментализма Гюстав Гийом одну из задач лингвиста видит «в рассмотрении с очень близкого расстояния и с помощью глубоких размышлений того, как образованы языковые сущности, которые в сформировавшихся и привычных для нас языках приняли форму слова» [Гийом, 2004, с. 21]. При этом большое место в «глубоких размышлениях» учёного-лингвиста Г. Гийом уделяет интуиции, поскольку истина познаётся не только умом, но и сердцем. При определении интуиции как инструмента познания Г. Гийом «часто опирается на авторитет Лейбница, Локка, Паскаля и Пуанкаре» [там же, с. 180]. В одной из своих лекций он приводит цитату, принадлежащую предположительно Паскалю: «Именно так мы постигаем первоосновы, и напрасно рассуждение, которое в этом не участвует, пытается-

ся с ним бороться... Нужно, чтобы именно на эти знания сердца и инстинкта опирался разум и основывал бы на них свою речь» [там же, с. 23]. Вероятно, лингвистика в большей мере, чем другие науки, исходит из первичного интуитивного толчка, «опирается на знания сердца». Но одновременно с этим, как считает Г. Гийом, язык является еще и *хранителем* интуиции, интуитивных операций – тонкой, инстинктивно осознаваемой механики. Интуиция – это такой уровень деятельности, «над которым у нас нет контроля и сила которого заключается не в увеличении наших знаний, а в увеличении ясновидения, без которого стало бы невозможным приобретение знаний» [там же, с. 24]. Как сказал известный французский математик Анри Пуанкаре: «Логика служит доказательству, а интуиция изобретению... Интуиция – это способность, которая учит нас видеть; без неё геометр был бы подобен писателю, подкованному в грамматике, но лишённому идей» [там же, с. 180].

Таким образом, язык является наиболее сложным объектом для наблюдения, поскольку он одновременно и наблюдаем, и не наблюдаем. Предмет исследования лингвистики – язык – одновременно является «преднаукой и условием существования всех наук», поэтому лингвистика должна проникнуть в область «природного знания», т.е. в то самое ясновидение, «озарённое лингвистическое предсознание» [там же, с. 178].

Эффективность лингвистического анализа в большой степени зависит от интуиции, которая, являясь «первотолчком», должна, однако, уступать место анализу, основанному на языковых фактах. Например, наблюдения над семантикой языка часто бывают слишком тонкими, а потому легко ускользающими и подчас трудно воспринимаемыми.

Научная методология понимается как «применение принципов мировоззрения к процессу познания» [Степанов, 1975, с. 3], она основывается на определённых философских воззрениях и является базой для разработки того или иного научного метода. Как известно, основными понятиями методологии науки являются – научный метод, теория, гипотеза, наблюдение, эксперимент: «Мы располагаем тремя основными средствами: наблюдением природы, размышлением и экспериментом. Наблюдение собирает факты; размышление их комбинирует; опыт проверяет результаты комбинаций. Необходимо, чтобы наблюдение природы было постоянным, размышление – глубоким, а опыт – точным. Эти средства редко оказываются соединёнными. Вот почему творческих умов не так много» [Дидро – эл. ресурс].

Научный метод представляет собой «способы теоретического освоения наблюдаемого и выявленного в эксперименте» [Степанов, 1975, с. 3], а также способы получения новых знаний. Научный метод обладает важным свойством – системностью. Это упорядоченный способ познания и исследования объекта: «Метод представляет опреде-

лѐнный подход к изучаемому явлению, определённый комплекс положений, научных и чисто технических приёмов, применение которых даёт возможность изучить данное явление. Поэтому метод всегда является системой» [Общее языкознание, 1973, с. 258].

Таким образом, научный метод предполагает комплекс разработанных способов выявления объекта исследования и наблюдения над эмпирическим материалом, размышление над ним, его систематизацию, таксономию и понимание рассматриваемого явления как особый вид научной рефлексии.

Любой научный метод предполагает создание научной теории, которая представляет собой обобщение, совокупность выявленных закономерностей и положений. Создание теории связано с наблюдением над исследуемым объектом и его пониманием. «Построить теорию – это значит понять в самом высоком смысле. Теория – это высшая степень понимания. Отсюда вытекает необходимость завершить понимание вещей построением теории» [Гийом, 2004, с. 44]. Однако если представить научную теорию как некую целостность, состоящую из двух соотносящихся актов – наблюдения и понимания, – то в природе и традициях различных наук указанное соотношение не будет одинаковым. Так, в традиционном языкознании, по мнению Г. Гийома, удельный вес наблюдений превышает удельный вес понимания. Наблюдению в традиционном языкознании придаётся особое значение, поскольку сбор конкретного эмпирического материала всегда представлял для лингвиста большую ценность. Однако «конкретность наблюдается, но не понимается. Для самого малого понимания требуется посредничество абстрактного рассуждения» [там же]. Говоря о лингвистическом анализе, Г. Гийом вводит ещё одно крайне важное для лингвиста понятие – *видение*. К постижению, осмыслению и пониманию исследуемого языкового материала лингвист может прийти через особое видение наблюдаемого, личностное восприятие окружающего. «Было бы правильнее сказать, что нет видения, лишённого всякого понимания, а отсюда и утверждать, что большее видение, видение высшего уровня исходит часто в виде озарения, неожиданно, из глубокого понимания. Постоянная позиция лингвиста должна заключаться в непрерывном поиске видения, присущего глубокому пониманию» [там же]. Таким образом, спецификой лингвистического исследования можно считать тот факт, что к пониманию, к осмыслению языкового материала часто возможно прийти не только через поэтапные логические рассуждения, но также и через особое видение, а иногда и озарение (интуитивное понимание). Г. Гийомом составлена схема, вскрывающая механизм понимания при лингвистическом анализе. Она представляет собой ряд челночных действий от наблюдения к пониманию и обратно к наблюдению на качественно новом уровне, и вновь к пониманию тоже на качественно новом уровне и так до бесконечности. Степень понимания может быть самой разной.

С видением, по Г. Гийому, связана также проблема доказательства в науке. По утверждению А. Мейе, «наука живёт не истинами, а доказательствами». Считая данное утверждение глубоко верным, Г. Гийом думает, что оно заслоняет собой тот факт, «что человеческий разум устроен таким образом (особенно у тех, у кого он достиг особенной остроты), что он предвидит истины задолго до того, как сможет получить доказательства» [Гийом, 2004, с. 27]. С одной стороны, к истине следует приходить через доказательство: истинно то, что доказано. С другой же стороны, истину иногда можно уловить издалека, тогда, когда доказательство ещё невозможно. Вероятно, именно это явление можно назвать гипотезой – научным предположением, выдвигаемым для объяснения какого-либо явления. Однако здесь, возможно, есть и разница: гипотеза формулируется как чистое предположение с опорой на факты, но без доказательств (ср. также понятие «рабочая гипотеза», которая представляет собой один из «рабочих» этапов при создании теории); «схваченная истина» тоже требует доказательств, но тем не менее изначально предстаёт как истина, как продукт интуитивного «озарения».

Мы остановились на взглядах Г. Гийома по двум причинам. Во-первых, его научная деятельность – это деятельность лингвиста-философа, «чистого» теоретика, ставящего теорию превыше всего, а также считающего, что любая теория движется навстречу фактам и только затем факты формируют теорию. Во-вторых, в своих взглядах он изначально придерживается системности; его научные размышления всегда направлены на выявление взаимных связей между языковыми феноменами. В заключение приведем его слова: «Поваром становятся, кулинаром рождаются. Так же, как мне представляется на основании собственного опыта, историком становятся, а теоретиком рождаются. К счастью или к несчастью, я родился теоретиком» [Гийом, 2004, с. 25].

Библиографический список

1. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
2. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958>
3. Дидро, Д. Мысли к истолкованию природы / Д. Дидро. – URL: <http://www.kph.npu.edu.ua/e-book/klasik/data/diderot/interpretation.html>
4. Мир философии. – М. : Изд-во политической лит-ры, 1991. – Ч. 1. – 672 с.
5. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. – М. : Наука, 1973. – 318 с.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. / С. И. Ожегов. – 22-е изд-е. – М. : Русский язык, 1990.

7. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1975.

8. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Л. Н. Толстой. – М. : Государственное изд-во художественной лит-ры, 1928–1958. – Т. 53.

9. Чехов, А. П. Письмо Плещееву А. Н., 6 марта 1888 г. Москва / А. П. Чехов Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. // АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974–1983. – Т. 2. – С. 210–211.

*А. К. Григорьева, И. И. Московкина
(г. Пенза, Россия)*

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «ПРОЧтение»

В современных условиях системного кризиса читательской культуры проблема чтения осознается как общенациональная и государственная, о чём свидетельствует ряд документов, в числе которых Стандарт основного общего образования 2010 г., Концепция преподавания русского языка и литературы, Национальная программа поддержки и развития чтения и др. Проблема чтения может и должна быть решена, потому что «нечтение», по мнению И. Бродского, высказанному в Нобелевской лекции, является тягчайшим преступлением против литературы, за которое «человек расплачивается всей своей жизнью», а нация «всей своей историей».

Хорошо известно, что развитие информационных технологий, глобализация и коммерциализация средств массовой информации, возрастание роли «экранной» культуры, активное воздействие на формирование досуга индустрии развлечений – эти и другие факторы обуславливают снижение интереса к книге и чтению. Дети перестают читать, следовательно, страдают грамотность и интеллект, эмоциональное и нравственное развитие. «Современная ситуация с чтением в России представляет собой системный кризис читательской культуры, – отмечается в «Национальной программе поддержки и развития чтения». – Россия подошла «к критическому пределу пренебрежения чтением», за которым «можно говорить о начале необратимых процессов разрушения ядра национальной культуры».

Одним из конструктивных решений заявленной проблемы является объединение усилий различных ведомств для создания и поддержания так называемой инфраструктуры чтения – своеобразной культурной среды, находясь в которой, человек формируется и воспитывается как читатель, осознающий ценность книги и чтения для